

The book cover features a stylized illustration. At the top, a pink heart-shaped banner with a green ribbon contains the title in Cyrillic. Below the banner, two women are walking towards the viewer. The woman on the left has voluminous red hair, wears a red long-sleeved top and a red skirt with a white circular pattern, and carries a red handbag. The woman on the right has long blonde hair, wears a white long-sleeved top and blue flared pants, and carries a black handbag with a red pattern. In the background, a man in a blue sweater is sitting on a bench, looking at a book. The entire scene is set against a light blue background with a faint outline of a building. The bottom of the cover has a pink banner with the author's name in Cyrillic, flanked by decorative swirls.

Поцелуй под дождем

❧ Светлана Луденев ❧

Только для девчонок

Светлана Лубенец
Поцелуй под дождем

«ЭКСМО»

2008

Лубенец С. А.

Поцелуй под дождем / С. А. Лубенец — «Эксмо»,
2008 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-24840-7

Никто из парней, уверена красивая девчонка по имени Лариса, не может устоять перед ней! Но вот Андрей Разумовский ее чарам не поддается! Даже, несмотря на то, что они целовались как-то под дождем. Похоже, он всерьез увлечен новенькой – белобрысой Натальей, которая приехала откуда-то из медвежьего угла и теперь портит Ларисе жизнь... К тому же самый красивый парень в школе, Никита, один из Ларисиных обожателей, вероломно «перебегает» к этой ледяной блондинке. Что же делать?... И Лариса придумала – отправилась к ворожее, чтобы навести на разлучницу порчу. Не беда, что гадалка попалась какая-то странная и порчу наводить отказалась. Лариса решила все сделать самостоятельно... Ранее повесть «Поцелуй под дождем» издавалась под названием «Горячее сердце Снегурочки».

ISBN 978-5-699-24840-7

© Лубенец С. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Лубенец

Поцелуй под дождем

Глава 1

Лариса

Лариса отсчитывала рубли, встав к прилавку за своим одноклассником Андреем Разумовским. Когда они почти одновременно вышли из магазина с батонами в пластиковых пакетах, начал накрапывать дождь. Вскоре дождь превратился в настоящий ливень. Луи росли, как в мультфильмах, разливаясь прямо на глазах. Проезжающая мимо машина обдала Ларису с Андреем веером грязных брызг. В основном все они достались Разумовскому, потому что он находился ближе к проезжей части дороги.

– Андрюшка! Давай сюда! – крикнула Лариса и во всю прыть припустила к крытой беседке на детской площадке их двора. Разумовский, смешно прикрываясь пакетом с батонem, рванул вслед за ней.

В беседке они уселись на те несколько дощечек, что остались от скамеек, а дождь лупил по оцинкованной крыше практически с теми же звуками и с тем же успехом, с какими Ларисин сосед, второклассник Валерка, обычно барабанил по своему фортепиано. Андрей отряхнул джинсы и джемпер, потом, вытащив из кармана носовой платок, стал вытирать лицо, но только размазал грязь.

– Дай я, – предложила Лариса и тут же отобрала у него платок. Одной рукой она повернула к себе его лицо, другой стала вытирать со щеки грязные разводы.

Она просто хотела ему помочь, но расширившиеся глаза Андрея заставили ее замереть. Она заглянула в них, увидела его напряженное лицо, усмехнулась и поцеловала Разумовского в плотно сжатые губы. Андрей не шелохнулся. Лариса поцеловала еще. Никакого ответа. Тогда она обвила руками его шею и прошептала:

– Да обними же меня, дурачок.

Она услышала стук упавшего пакета с булкой и почувствовала на спине руки Андрея. Они целовались долго. Очнулись только тогда, когда на площадке, заглушая стук последних капель дождя, снова зазвенели детские голоса. Дождь кончился. Лариса оттолкнула Андрея, взяла свой пакет и сказала:

– Ну, я пошла.

Андрей молчал.

– Надеюсь, ты понимаешь, что все это ничего не значит?

– Еще бы! – сказал Андрей, поднял свой пакет и первым вышел из беседки.

Лариса пожала плечами и тоже пошла к дому.

Лариса Нитребина была звездой своей, ранее обычной, средней школы, которая в этом году вдруг взяла и переименовалась в гимназию. Успехом у мужского пола Лариса пользовалась всегда. Даже в детском саду все мальчишки, как один, мечтали стоять с ней в одной паре и даже согласны были бесконечно играть в дочки-матери, если того хотела Лариса. Когда она училась в первом классе, два паренька так подрались из-за нее, что одному даже пришлось некоторое время полежать в больнице.

И в нынешней гимназии из-за нее не раз дрались, хотя сама Лариса никого из драчунов так и не одарила своей благосклонностью. К восьмому классу она расцвела еще больше, а сейчас, перейдя в девятый и став гимназисткой, приобрела формы и рост настоящей супермодели.

Ее рыжие волосы потемнели, приобрели красивый каштановый оттенок, шире распахнулись золотистые глаза, прихотливо изогнулись губы. Поскольку отец Ларисы занимался бизнесом и зарабатывал неплохие деньги, она могла позволить себе одежду не с вещевых рынков, а из фирменных магазинов. Нарядов у нее было немного, но все они отличались стильностью и выгодно подчеркивали достоинства ее внешности.

В общем, к девятому классу по Ларисе сох уже весь мужской коллектив их школы, включая молоденького учителя физкультуры Олега Анатольевича, а также двух дворов, прилегающих к ее дому, и еще одного двора на соседней улице, где жила ее лучшая подруга Ольга Карпова. В кабинете черчения на одном из учебных кульманов кто-то из Ларисиных поклонников крупно вывел красным маркером: «Лара – супер!!!» Лев Сергеевич, чертежник, дико злился, пытался счистить надпись наждачкой, но ядовитая жидкость вьелась в дерево слишком глубоко и никакой чистке не поддавалась. Когда Лев Сергеевич предложил Ларисе стирать за своими поклонниками регулярно появляющиеся в разных местах школы надписи, она звонко рассмеялась ему в лицо и заявила, что если начнет это делать, то у нее совершенно не останется времени на приготовление домашнего задания по черчению. Чертежник сжал и без того тонкие губы в нитку и с тех пор вместо одной карточки домашнего задания стал давать Ларисе сразу по две штуки. Ольга считала, что на такую дискриминацию стоило бы пожаловаться хотя бы классному руководителю, но Лариса только смеялась и ловко справлялась и с двойным заданием. Это злило чертежника еще больше, но на три карточки он все же не расхрабрился.

Первым красавцем их параллели считался Никита Романенко из 9-го «В». Это был высокий стройный молодой человек знойного итальянского типа. Конечно, Лариса, как сейчас говорится, тусовалась с Никитой, но каких-то особенных чувств она к Романенко не испытывала. Она просто поддерживала свой имидж: супер-Лариса должна гулять именно с супер-Никитой, а не с кем попало. На самом деле Романенко казался Ларисе несколько глуповатым, да и целовался он как-то не очень...

Все девчонки Ларисиного 9-го «Б» были в кого-нибудь влюблены. На Никиту, естественно, никто не зарился, его только провожали долгими, нежными взглядами. Ольга Карпова была безответно и без памяти влюблена в одноклассника Игоря Колесникова и прожужжала подруге про него все уши.

Лариса размышляла, почему она не влюблена в Никиту, почему вообще ни в кого не влюблена, и не находила ответа. Может быть, то, что она испытывает к Романенко, и есть влюбленность? Проводила же она с ним хорошие вечера. Когда он обнимает ее, ей, в общем-то, приятно. Целуется чуть не так, как хотелось бы, но, в общем-то, терпеть можно... И потом, кто его знает, как вообще надо целоваться? Как-то странно все это. Лариса терпит Романенко, словно головную боль, будто «домашку» по черчению или завывания Льва Сергеевича. А надо ли? Влюблен ли в нее Никита? Он не раз говорил о любви. Неужели то, что он провожает ее домой, танцует с ней на дискотеках, – и называется любовью? Как скучна и однообразна она в таком случае, как бесцветна и буднична! Похоже, люди насочиняли себе сказок про любовь, чтобы было о чем мечтать, сочинять стихи и петь песни. А иначе на что еще нужна литература со всеми ее Евгениями Онегиными, Аннами Карениными и «чистейшей прелести чистейшими образцами»?

Когда Ларисе было лет десять, она мечтала о том, как вырастет, наденет туфли на каблучках, покрасит губы и ресницы, и это состояние накрашенности и высококаблучия казалось ей высшим проявлением счастья. И что теперь? У нее есть и туфли на полукилометровых каблучках, и невероятной дороговизны косметика, но счастья они ей почему-то не приносят. И даже собственная красота, которой, сколько себя помнит Лариса, все всегда восхищались, кажется ей порой бессмысленной и ненужной.

Несмотря на столь неутешительные мысли и выводы, на наличие в мире необыкновенной любви она все-таки продолжала надеяться. Более того, она о ней мечтала даже в тот момент,

когда, подшучивая над Ольгой, уверяла, что поцелуй – это не что иное, как всего лишь соприкосновение двух кривых в одной плоскости, и ничего больше. Мечтала, но не имела. Даже когда рядом с ней был красавец Никита, она почему-то никак не могла избавиться от ощущения скуки и отвратительного состояния тоски и полной неудовлетворенности. Лариса всегда с удивлением смотрела старые советские фильмы типа «Весны на Заречной улице». Какие долгие ухаживания, слезы, страдания... А сейчас? Она согласилась пойти с Никитой на дискотеку в самый же первый раз, как только он ее пригласил. И поцеловал он ее первый раз после той же дискотеки. Лариса не испытала ничего, и именно тогда ее сердце заледенело. Она поняла: любви нет, поцелуи – странное, пустое времяпрепровождение. Мальчика Кая из знаменитой сказки Андерсена поцеловала Снежная королева, а Ларису Нитребину – Никита Романенко. Результат оказался идентичен.

И еще. Стоило только Ларисе размышлять о возможности счастливых романтических отношений, как наблюдения за семейной жизнью родителей тут же возвращали ее на землю, и она опять утверждалась во мнении, что любви на самом деле не существует. На столике в родительской спальне стояла их свадебная фотография. Мама с отцом на ней были юными, красивыми, со счастливыми улыбками. Все ложь! Лариса так же улыбается, когда гуляет с Никитой по городу. А что на самом деле? Она охотнее гуляла бы без него. А отец? Его почти не бывает дома. Он занят в какой-то совершенно непонятной фирме. Красавица мама сидит дома одна и умирает от скуки и тоски. Отец приезжает только для того, чтобы поесть, сменить одну белую рубашку на еще более белоснежную, и уезжает опять. Маме он говорит только «подай», «принеси», «постирай» и еще два ужасных слова: «замолчи» – когда рядом Лариса – и «заткнись» – когда ему кажется, что дочь его не слышит.

Лариса вспомнила беседку и Андрея. Как смешно он окаменел, когда она его поцеловала. Он, видимо, никогда раньше не целовался, но ничего... научился быстро... Получается, пожалуй, получше, чем у Романенко. А какие у него были сумасшедшие глаза... И ты туда же, Андрюшенька! И ты такой же, как все, не смог устоять! А пошли вы! Лариса бросила на кухонный стол пакет с батоном, прошла в свою комнату и врубила на весь дом: «Давай за вас, давай за нас, и за спецназ, и за Кавказ...» По крайней мере, не про любовь!

Когда Лариса утром следующего дня вошла в кабинет физики, Андрей что-то писал в тетради за своим третьим столом у окна. Ольга Карпова помахала рукой с последней парты и крикнула:

– Ларик! Иди сюда!

Лариса в упор смотрела на Разумовского. Он продолжал писать, не поднимая головы, но Лариса видела, как его щеку, обращенную к ней, заливают краской. Она еще раз бросила на молодого человека взгляд, полный презрения, и пошла к Ольге.

– Чего это ты? – спросила Ольга. – Чуть не уничтожила взглядом Разумовского!

– А-а-а, – махнула рукой Лариса. – Все они одинаковые...

– Кто «они» и в чем одинаковые? погоди... Неужели Андрюшка к тебе приставал? Не может быть!

– Почему это не может? – Последнее заявление Ольги несколько задело Ларису.

– Будто ты не знаешь, что он у нас недотрога.

– Недотрога? – с удивлением переспросила Лариса. – Что за дурацкое слово?

– Ну конечно! – Ольга выразительно покачала головой. – Разве тебе есть дело до какого-то там Разумовского! Ты же ничего про него не знаешь!

Нитребина нетерпеливо поморщилась:

– Что я должна про него знать? Что еще за ерунда?

– А то! Глазки-то, Никиткой замазанные, протри! Андрюшка – парень видный, а ни с кем не встречается. Многие девчонки его расшевелить пытались, и все впустую: поговорит,

поулыбается и – гудбай! Даже я, каюсь, – Ольга в смущении покрутила прядку волос, – ну... до Колесникова... пыталась завязать с ним отношения...

– И что?

– И ни-че-го! Дал мне полный отлуп, но очень вежливенько и тонко – даже обидеться невозможно.

– Интере-е-е-сно... – протянула Лариса, продолжая сверлить Андрея взглядом.

Его щека и даже шея, обращенные к столу девушек, пылали под этим взглядом алым пламенем, но головы он так и не повернул, продолжая что-то писать.

– Спорим, я его раскручу! – сказала вдруг Лариса.

– Да ты что, Ларик! А как же Романенко?

– Куда он денется, этот Романенко! А денется – скатертью дорога.

– Не понимаю я тебя, Лариска! – Ольга посмотрела на подругу осуждающе. – Таких красавцев, как Никита, даже на журнальных обложках немного. Чего тебе неймется?

– Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к Романенко.

– Но не будешь же ты утверждать, что влюбилась в Разумовского?

– Конечно, не буду.

– Зачем же тебе это приключение?

– Так... – пожала плечами Лариса. – Скучно мне почему-то... Ну что, спорнем?

– Пари?

– Пусть это будет называться пари.

– Ладно, – Ольга наконец улыбнулась. – Если ты его раскрутишь, то я... – Она задумалась, помолчала. – Слушай, Лариска, а я даже не знаю, чего от тебя хочу... Прямо не на что спорить!

– Зато я знаю. Если я это сделаю, – как заклинание, произнесла Лариса, – то ты перестанешь впустую вздыхать по Колесникову, а признаешься ему в своих пламенных чувствах, и мы вчетвером пойдем в «Юпитер» на дискотеку.

– Ларик! Это жестоко! Я не смогу! Признаться? Бр-р-рр! Ни за что!

– Соглашайся, Ольга: если я проиграю, то обязуюсь лично устроить ваши с Игорьком дела. У меня-то уж получится, можешь не сомневаться! И главное, мы опять же вчетвером пойдем в «Юпитер» на дискотеку.

– Как же вчетвером, если ты проиграешь?

– Романенко возьмем. Он-то куда не денется.

Глава 2

Андрей

Андрей, конечно, понял, что в класс вошла Лариса. Более того, он почувствовал на себе ее взгляд, но головы не поднял. Зачем? Она же вчера сказала, что все, случившееся с ними, значения не имеет. Андрей ощущал, что краснеет, но ничего не мог с собой поделать. Это отвратительно. Она что-нибудь такое подумает...

Андрею, конечно, нравилась Лариса. Но разве она может кому-нибудь не нравиться? Нравилась, да. Но влюблен он в нее не был. В соответствии со своей фамилией, Андрей был человеком разумным. Он понимал, что влюбиться в Нитребину можно с таким же успехом, как в какую-нибудь навороченную звезду шоу-бизнеса или в героиню бразильского телесериала. И он не влюблялся. Он вообще ни в кого не влюблялся.

Нет, ему, конечно, нравились многие девчонки, но дальше дискотечных обниманий и легкого трепанья на темных улицах дело не шло. И не потому, что девчонки не хотели, нет... Это почему-то не слишком надо было Андрею. Он и целовался-то вчера вечером с Ларисой первый раз в жизни. Влюбился ли он в нее после этого? Нет. Он точно знал, что нет. Хотел бы он повторения вчерашнего? Он не менее точно знал, что да. Но тем не менее для того, чтобы еще раз оказаться с Ларисой наедине, он ничего предпринимать не будет. Он не собирается просить у нее свиданий и завоевывать ее. У него и других дел по горло. Обдумав все, как следует, он окончательно успокоился. К середине урока химии предательская краска наконец-то сошла с его лица.

Ларису вызвали к доске. Ответив и возвращаясь к своему месту, она посмотрела на Андрея долгим взглядом. Он спокойно выдержал его, не отвернулся, не покраснел, с чем мысленно себя поздравил. Нет, он, Андрей, не собирается размениваться на всякие глупые поцелуйчики. Они, конечно, приятны, ничего не скажешь, но у него другие заботы. Три раза в неделю он ездит на подготовительные курсы одного очень серьезного юридического колледжа, после которого будет гораздо легче, чем после одиннадцатого класса средней школы, поступить в университет. Он собирается стать юристом, серьезно готовится к этому, и свободного времени у него абсолютно нет.

Андрей частенько напевал себе под нос: «Ну а девушки? А девушки потом!» Когда потом? Вовсе не тогда, когда поступит в университет или закончит его. А тогда, когда встретится такая... Если бы его попросили пояснить, какую именно девушку он хочет встретить, он, наверное, не смог бы ответить вразумительно. Но он точно знал, что такие девушки пока ему не встречались. Со всеми он легко расставался после дискотек и молодежных вечеринок. Ни одна не зацепила душу. Вот и сегодня: даже первая красавица Лариса Нитребина не смогла вызвать в нем сильных чувств.

На перемене к Андрею подошел Стас Белявский и напомнил:

– Сегодня после шестого урока играем с 9 м «В». На тебя вся надежда.

Андрей был лучшим игроком баскетбольной команды своего 9-го «Б». Высокий рост позволял ему забрасывать весьма красивые мячи в корзину соперников. Противостоять ему мог только Романенко. Подумав о Никите, Андрей опять вспомнил Ларису. Что ж, великая красавица! Сегодня мы твоего Романенко сделаем!

И вот началась игра.

Всем телом чувствуя странные взгляды Нитребиной, Андрей с удвоенной энергией носился по спортзалу. Романенко был не только одного роста с Разумовским, но к тому же сильным игроком, и они не раз боролись друг с другом за мяч. Вся команда 9-го «В» играла

неплохо, и счет долгое время оставался «ничейным». Только на последних минутах Андрей, взяв пас Белявского, забил последний решающий мяч. Со свистком Олега Анатольевича, означавшим конец матча, со скамеек сорвались болельщики за свои команды одноклассники. На Андрее гроздьями повисли девчонки, целуя в мокрые красные щеки. Последней подошла Нитребина.

– Герой! – сказала она. – Сделал Никитку! Даже жаль его.

– Ничего, – вытирая со щек девчоночьей помаду, отозвался Андрей, – утешись... поцелуями... у тебя хорошо получается.

– А может, тебя ими наградить? – сверкнула глазами Лариса.

– Ну что ты! Я согласен на медаль, – усмехнулся Андрей и пошел прочь от Нитребиной в раздевалку.

Андрей чувствовал раздражение. Чего этой Ларисе надо? И зачем он ей поддался вчера? Чего доброго, она еще теперь будет считать, что имеет на него какие-то права. Подумаешь, мисс Вселенная!

– Слышь, Андрюха! – встретили его в раздевалке одноклассники. – 9-й «В» хочет помехаться. Говорят, что Олежек судил нечестно.

– Пусть с ним и махаются, – ответил Андрей, стаскивая мокрую футболку.

– А еще говорят, – подошел к нему Стас, – что Никитосу не понравилось, как ты с Лариской базарил.

– По-моему, Олег Анатольевич тоже регулярно с Нитребиной базарит. Это почему-то Романенко не раздражает.

– Наверно, он не видит в Олежке достойного соперника, – улыбнулся Белявский.

Андрей нервно собирал спортивную сумку. Ну вот, этого еще не хватало... Точно, от девчонок одни неприятности! Андрей вдруг подумал, что, может быть, именно поэтому-то он и не завязывает с ними никаких романтических отношений. Из-за девчонки он однажды рассорился со своим лучшим другом – с первого класса дружили! – Ромой Моисеевым.

Светка Латышева, соседка Андрея по лестничной клетке, однажды попросила позаниматься с ней английским языком. Андрей по дружбе согласился, и, как выяснилось, зря. Потому что Светке нужен был вовсе не английский – ей нужно было вызвать ревность Моисеева. И она специально приходила к Андрею, когда у него сидел Ромка. Да еще в его присутствии она всячески пыталась прижаться к Андрею и приобнять его рукой за шею. А он, глупец, ничего плохого не замечал, принимал Светкины откровенные приставания за проявление дружеских чувств и с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытался вдолбить ей артикли и прочую английскую дребедень.

И вот теперь на его бедную голову свалилась новая парочка: Нитребина и Романенко. И зачем он целовался с этой Лариской? Вот кретин! Удержаться не мог! Связываться с Романенко Андрею не улыбалось. Драться он не любил. Да и ради чего? Ладно бы, влюбился, тогда еще куда ни шло бы. А так... Вот влип!

– Так что выходим вместе, – решил за всех Белявский.

За школой ребят из 9-го «Б» действительно поджидала команда Романенко.

– Ну что, бомбардир! – выступил вперед Никита, оглядывая Разумовского. – В зубы захотел?

Андрей не успел ничего ответить, как из-за спины услышал голос Ларисы:

– Надо уметь проигрывать с достоинством, Никита.

Ребята обернулись. У здания школы вместе с Ларисой стояла Ольга Карпова, а за ними толпились девчонки из обоих классов. От группы 9-го «В» отделилась Милка Румянцева, встала между двумя командами парней и поддержала Ларису:

– Не стыдно вам, орлы наши сизокрылые? Мы за вас болели, как могли, но 9-й «Б» оказался сильнее. Они победили вас в честном бою. Мы все это видели.

– Ну-ну... – Никита хмыкнул как можно презрительнее, смерил глазами Разумовского и пошел по дорожке от школы к своему дому. Вслед за ним стали расходиться другие ребята, парочками разбежались девчонки.

Андрея догнала Лариса.

– Где ты научился так здорово играть в баскет? – спросила она.

Андрей остановился и с раздражением ответил вопросом на вопрос:

– Слушай, Нитребина, что ты ко мне прицепилась? Что тебе от меня надо?

– А может, ты мне понравился? – не без труда заставила себя не обидеться Лариса.

– Сама говорила, что происшедшее в беседке ничего не значит, – напомнил ей Разумовский. – Чего ж тебя вдруг разобрало?

– А я подумала, как следует, и поняла, что все-таки значит, – Лариса улыбнулась так ослепительно, как только умела.

– А мне наплевать на то, что ты подумала! Ясно? – начал откровенно злиться Андрей.

– Романенко боишься? – усмехнулась Лариса.

– Слушай, королева красоты! Тебе, судя по всему, кажется, что все должны быть в тебя влюблены и таять от одного твоего взгляда.

– А ты не влюблен?

– Ни в малейшей степени!

– Зачем же тогда целовался?

– А почему бы не взять то, что так беззастенчиво предлагают?

– Однако ты не выглядел тогда таким супербоем, которого сейчас изображаешь, – не сдавалась Лариса.

– Растерялся, знаешь ли... Все-таки не каждый день девицы на шею вешаются.

– Это я-то вешаюсь? – возмутилась Нитребина. Она никак не ожидала такого поворота разговора, но нашлась довольно быстро: – А может, я тоже взяла, что плохо лежит и... никому не нужно?

– Вот и отлично! – саркастически улыбнулся Андрей. – Мы попользовались друг другом в свое удовольствие, а теперь – бывай здорова!

Он обошел девушку кругом, как фонарный столб или дерево, и повернул к своему дому. Ошарашенная Лариса осталась стоять посреди двора.

Глава 3

Никита

Никите Лариса нравилась. Кому такая красавица не понравится? Романенко льстило, что на Ларису, когда они гуляли вдвоем, оглядывались на улице не только молодые парни, но и мужчины. Он несколько раз говорил ей «люблю», но это волшебное слово он говорил еще двум клевым девчонкам. Одна училась в 9-м классе соседней школы, а с другой он познакомился прошлым летом в молодежном лагере на Финском заливе. Она жила в другом районе города, ехать туда было далеко, но Никита иногда ездил. Слово «люблю» было волшебным, потому что, услышав его, девушки таяли, и он становился хозяином положения: мог не появляться у них неделями, а мог вызвать на свидание чуть ли не с какой-нибудь серьезной контрольной по математике.

Только Лариска никак не реагировала на красивые слова и пышные фразы. Рядом с ней подчиненное положение занимал Никита. Может быть, поэтому ему и хотелось видиться с ней чаще, чем с другими. Он чувствовал, что Лариса ему не принадлежит, что она сильнее его и... как-то значительнее. Она лишь позволяла ему за собой ухаживать, и Никите хотелось победить ее, увидеть в ее глазах обожание, покорность и преданность. Своим приятелям он, конечно, рассказывал всякие байки про их откровенные отношения, но чувствовал, что ему не очень-то верили.

Сегодня, после матча с 9-м «Б», Никита окончательно разуверился в своей неотразимости. Он вроде бы не был ревнив, никогда не впадал в гнев, если Лариса кокетничала с другими, но взгляды, которыми она одаривала сегодня Разумовского, ему не понравились. Он сразу решил выяснить с Андреем отношения. Для этого и раздул, как мог, миф о неправильном судействе. Нельзя же было привязаться к Разумовскому лишь потому, что с ним говорила Лариса. А так все станет похоже на обычную «стрелку», где можно будет с большим чувством съездить Андрюхе по морде, вроде как за несправедливо засчитанные мячи. Так Лариса и тут встряла! Что случилась? Неужели втрескалась в этого бомбардира? Никита знал, что Лариса от него «не торчит», но, честно говоря, он думал, что просто она иначе не умеет – холодновата от природы. И вот вам пожалуйста – Разумовский. На него, на Никиту, Ларка никогда так не смотрела. Даже завидно! И что она нашла в этом Андрюхе? Ростом он, конечно, вышел, ничего не скажешь, но и только... Никита поднапряг память, но так и не мог вспомнить рядом с Разумовским ни одной девчонки. Может, больной? Дура Лариска!

От таких размышлений Никите лучше не становилось. Более того, он раздражался все сильнее и сильнее. Поехать, что ли, к Таньке, к той, с которой познакомился на Финском заливе? Никита сменил рубашку, попрыскался французской туалетной водой, но тут же понял, что ему совершенно не хочется видеть ни Таньку, ни Лизку из соседней школы. Он ощутил отсутствие подле себя Ларисы, как внезапно подступившую болезнь. Ему смертельно захотелось заглянуть в ее золотистые глаза, прикоснуться к тяжелым густым волосам. Он еще раз переоделся – теперь в новую велюровую рубашку на молниях – и отправился к Ларисе.

– Заходи, – Лариса пропустила его в квартиру.

– Кто там? – прокричала ее мать из дальней комнаты.

– Это ко мне, – ответила ей Лариса.

Никита понял, что мать не собирается выходить в коридор, и обнял девушку. Он приготовился к отпору, но она не сопротивлялась. Никита поцеловал ее в губы. Лариса, как всегда вяло, откликнулась. «Чего я, дурак, напридумывал? – сказал себе Никита и утратил к свиданию всякий интерес. – Лучше бы пошел к Таньке».

– Я на минутку, – шепнул он Ларисе в ухо, – только сказать, чтобы ты не думала ничего такого про баскет. Это мы так... пошутили... Ваши классно играли.

– А я ничего и не думаю, – неожиданно зло отозвалась Лариса. – Плевать мне на ваш баскет.

– Ну и ладушки! У меня сегодня много дел. Встретимся в школе.

Никита звонко чмокнул девушку в щеку и выскочил за дверь. Теперь он мог совершенно спокойно поехать к Таньке. Хотя... Зачем к Таньке? К Лизке гораздо ближе!

Глава 4

Андрей

Андрей зло швырнул сумку под вешалку. Хорошо, что дома никого нет, а то мама тут же привязалась бы: «Что с тобой?» да «Почему ты такой?» Он и сам не знал, что с ним. Ему льстило Ларисино внимание, но он нутром чувствовал какой-то подвох. Похоже, она разыгрывает нечто вроде спектакля перед Романенко, в котором Андрею отвела роль живца. Ей явно было надо, чтобы Никитка клюнул на Андрея. Что и случилось. Как она того и хотела. Пожалуй, жаль, что они сегодня с Романенко не подрались. Ну, была бы у него парочка синяков, зато отношения выяснили бы раз и навсегда. И Лариса отстала бы! А хочется ли ему этого?

Вообще-то Нитребина – обалденная красавица! Особенно хороша она была, когда разозлилась. Андрей вспомнил, как его обнимали ее тонкие, но сильные руки, вспомнил вкус ее поцелуев... Внутри что-то напряглось, оборвалось, и он, Андрей, будто съехал на лыжах с крутой горы. Фу! Что за чертовщина! Неужели она его все-таки зацепила? Нет! Некогда ему заниматься такой ерундой! Стоп, расслабимся... Завтра ехать на курсы. Что у нас там? История. Надо срочно дописать реферат про Столыпина. И пусть всякие там Ларисы горят синим огнем!

Андрей как раз дописывал последнее предложение, когда вернулись с работы родители.

– В магазине встретились, – улыбнулась мама. – Папа боялся, что я опять забуду купить ему чайные пакетики на работу.

– Конечно, – прокричал из ванной отец, – который уж день приходится у сослуживцев кланчить! – Он вошел в комнату и обратился к Андрею: – Знаешь, у нас к тебе разговор.

– Какой? – беспечно отозвался Андрей.

– Помнишь Наташу Лазареву?

– Нет. А кто это?

– Ну как же! Это же дочка моего школьного приятеля – дяди Сашки Лазарева. Мы к ним ездили в Медвежьегорск. Вспоминаешь?

– Это где-то чуть ли не под Мурманском, что ли? – уточнил Андрей, откусывая от батона колбасы.

Мама выхватила у него колбасу, отвесила легкий подзатыльник, а отец закивал головой:

– Ну конечно! Вспомнил Наташу?

– Ну... была там какая-то девчонка плаксивая... Так это ж мы сто лет назад туда ездили! Мне тогда было лет десять, кажется.

– Да-а, давненько мы с Сашкой не встречались, – согласился отец. – Так вот! Эта, как ты говоришь, плаксивая девчонка выросла и тоже учится в девятом классе.

– И что? – Андрей слушал вполуха, потому что гораздо интереснее было следить за тем, что мама вынимает из своей бездонной сумки. – А-а-а! Бананчики! Это как раз то, о чем я мечтал! – Он схватил банан и, плотоядно улыбаясь, одним махом содрал с него шкурку.

– Андрей! Имей совесть! – Мама выхватила у него вожденный десерт. – Не получишь, пока не выслушаешь отца.

– Ну-у-у! – Андрей крутанулся на пятках, сел на банкетку к столу, подпер рукой подбородок и глазами, полными неподдельного страдания, уставился на отца. – Так что ты говоришь про северную плаксу?

– Она хочет поступать в наш Педагогический университет имени Герцена.

– И что?

– А то, что со следующего месяца она будет учиться в вашем классе.

– То есть? – Андрей сбросил с себя дурашливость. – Это уже становится интересным. Ну-ка, ну-ка, поподробнее, пожалуйста!

– Пожалуйста! У вашей школы, кажется, договор с этим вузом?

– Да.

– Поэтому я и предложил дяде Саше прислать сюда Наташу. Ну... чтобы ей легче было потом поступить. С директором школы я уже договорился, что, конечно, было непросто.

– А почему ты ее пригласил именно сейчас? До одиннадцатого класса, до выпуска еще далеко.

– Потому что в Герценовском в этом году начали эксперимент: организовали трехгодичные подготовительные курсы, после которых экзаменов надо будет сдавать меньше.

– Так учебный год давно уж начался!

– Ничего. Я уже был в университете – они проведут с Наташей собеседование и примут.

– А почему ты думаешь, что она пройдет собеседование? Училась-то на периферии. Там совсем другая подготовка.

– Не волнуйся, у Наташи очень хорошая подготовка!

– А у них в Питере родственники?

– Нет у них здесь ни родственников, ни знакомых.

– Не хочешь же ты сказать... – Андрей даже привстал.

– Хочу, сынок, хочу, – отец усадил Андрея на место. – Наташа поживет это время у нас. Поступит в университет – уйдет в общежитие, не поступит – уедет домой.

– Это что же получается? До общежития она целых три года у нас жить намеревается?

– Во-первых, не она намеревается, а я ее пригласил. Во-вторых, для вуза это очень серьезный и продуманный эксперимент. Они хотят специально подготовить себе кадры, поэтому уже в следующем году предоставят общежитие тем ребятам, в которых будут серьезно заинтересованы.

– И ты, конечно, считаешь, что для Герценовского универа именно на этой Наташе свет клином сойдется?

– Я повторяю, – уже сердито сказал отец, – у нее очень хорошая подготовка. Она круглая отличница.

– Это она в своем Медвежьегорске отличница, а здесь из нее спесь быстренько повытрясут. Одна наша Татьяна Николаевна чего стоит!

Отец не посчитал нужным ответить и налил себе чаю. Андрей развернулся к матери:

– Ма! Ну скажи, пожалуйста, где в нашей двухкомнатной малогабаритке может поселиться еще один человек? Не в моей же комнате?

– Устроимся как-нибудь, – отозвалась мама, возвращая сыну банан, который его уже вовсе не интересовал.

– Ну конечно! В мою комнату! Не в ту же, где вы спите! – Андрей опять вскочил со своего места. – А я? А как же я? В кухне или в ванной жить буду? Мне, между прочим, тоже поступать надо!

– Андрюшка! – Мама ласково обняла его за плечи. – Мы постараемся сделать так, чтобы всем было хорошо. Не злись! Надо же людям помочь! И потом... Вспомни, кто в прошлом году прислал отцу деньги на те дорожные лекарства? Дядя Саша Лазарев! Кто посылает нам каждую осень морошку, чернику и бруснику? Саша Лазарев!

Андрей раздраженно освободился из маминых объятий и пошел в свою комнату. Та-а-ак... Сюрпризик... Наташа Лазарева! Здравсте-пожалуйста!

Она действительно запомнилась Андрею своими бесконечными слезами и занудством. И еще она постоянно ябедничала на Андрея своему дяде Саше. Он, правда, к его чести надо сказать, не только никак на эти ябеды не реагировал, но и постоянно ругал за них свою дочку. В те времена Наташа была белобрысой блеклой пигалицей с синеватой прозрачной кожей и бесцветными невыразительными глазами. Эдакая альбиношка. Гор-р-рячая северная девушка.

Однако это уже становится законом: как только появляется в его жизни какая-нибудь девчонка, сразу с ней вместе на него обрушивается куча проблем. Что за невезуха такая! Андрей с досады чуть не плюнул на пол.

Глава 5

Лариса

Лариса злилась. У нее ничего не получалось. Разумовский ее не замечал. Сколько бы она ни жгла его взглядом, он больше не краснел. И вообще обходил ее стороной. Вчера, когда они всем классом скучились возле стола математички, обсуждая результаты самостоятельной работы, Лариса оказалась притиснутой к Андрею вплотную. Он, заметив это, тут же выскользнул из толпы и оказался в гуще одноклассников с другой стороны стола Татьяны Николаевны. От Ольги Лариса без конца слышала только одно: «Ну я же говорила!» Так что победа над Разумовским стала для нее уже не просто условием пари, а делом чести.

После звонка на урок, когда все расселись по местам, Татьяна Николаевна сказала:

– В следующую пятницу городской тур олимпиады по математике. От вашего класса идут Карпова и Разумовский, от 9-го «В» Рудакова и Черных, от «А»-класса Наздратенко и Подкапаев. Андрей и Оля, запишите себе где-нибудь, что встречаемся в 9.00 у нашей станции метро.

– Я не пойду, – возразил Татьяне Николаевне Разумовский. – Что мне там делать?

– Как это не пойдешь? – От возмущения Татьяна Николаевна резко вскочила со стула. – Почему?

– Мне не нужна математика. Я собираюсь поступать на гуманитарный факультет и не хочу зря тратить время, которого у меня и так немного.

– Нет, вы только посмотрите на него! – Татьяна Николаевна жестом несправедливо обиженного человека показала на Андрея. – Он не хочет тратить время... Ему, видите ли, не нужна математика... А школе, между прочим, нужна победа на олимпиаде, Разумовский! А у тебя все шансы взять диплом!

– Ольга возьмет.

– Одного мало!

– А Рудакова с Наздратенко? Они ж математические гении!

– Эти гении, Андрей, могут накрутить такого, что ни одна комиссия не разберет. – Татьяна Николаевна подошла к столу Андрея, сменила выражение лица с благородного негодования на просящее и ласково произнесла: – Андрюшенька! Ну, для меня! Напоследок! Ты ведь собираешься уходить из школы, так что в следующем году я тебя уже не смогу послать на олимпиаду! Будь так добр, Андрюшенька, сходи, пожалуйста, на эту. Так сказать, на память!

И Андрей сдался. Он досадливо сморщился, но сказал:

– Ладно... Так и быть.

Татьяна Николаевна погладила Андрея по волосам, как какого-нибудь первоклассника, а Лариса сказала Ольге:

– Это шанс!

– Чего-чего? – не поняла Ольга.

– Ты же идешь с Разумовским на олимпиаду!

– И что?

– Будь к нему поближе, поворкуй поласковой и, между прочим, пригласи на день рождения.

– На чей?

– Ну, ты даешь? У кого день рождения через неделю?

– У кого?

– Ольга, хватит придуриваться! У тебя через неделю день рождения.

– Точно... Совсем из головы вон... Ларик! С чего это я вдруг его приглашу?

– Карпова! Нитребина! Что за балаган? У нас серьезная работа! – вмешалась в интересный разговор подруг Татьяна Николаевна. – Вы уже решили уравнение?

– Сейчас решим, – успокоила учительницу Ольга, а Лариса, вырвав из тетради листок, написала: «Придумай что-нибудь».

«Я не смогу, – коряво вывела Ольга и добавила: – Придумай ты».

«Скажи, что хочешь пригласить Колесникова, но стесняешься, а потому приглашаешь Андрея, чтобы он взял с собой Игорька».

«Больно сложно...»

«В самый раз».

«А если он откажется?»

«Ты уж постарайся, чтобы не отказался!»

«Тогда тебе придется наш разговор с ним разработать в деталях, а то я собоюсь».

Лариса кивнула, смяла бумажку и сунула ее в сумку.

Следующим уроком был ненавистный всем предмет под названием ОБЖ. Вел его полковник в отставке Марк Аронович Берлин, прозванный Макаронычем. Так вот Макароныч совершенно не умел общаться с детьми, а тем более с подростками. Старшеклассников он называл «эти юнцы» или «эти девицы» и считал всех наглецами, негодяями, проститутками и наркоманами. Свой предмет он вел скучно и бесцветно. Во рту его слова вязли, теряли окончания, и на последних столах вообще было не разобрать, о чем вещает у доски педагог, тыча указкой в серые плакаты. Но и сидящие за первыми столами не слушали Макароныча. ОБЖ обычно использовали для того, чтобы списать несделанную «домашку», выучить параграф по следующему предмету, поиграть в морской бой, почитать детектив или любовный роман. Все столы в кабинете были изрисованы и исчерчены. На многих велась душераздирающая переписка представителей разных возрастных категорий. Лариса, например, с большим удовольствием переписывалась с каким-то младшеклассником, который последнее время настойчиво умолял о свидании, поскольку они, по его мнению, уже давно стали почти родными людьми. Недавно Макароныч даже выставил Нитребину за дверь кабинета, потому что она не смогла сдержать смеха, когда прочитала вот такое признание в любви: «Ты мне очень ндравися. Приглашаю тибя к мине дамой».

Все это делало бы ОБЖ любимым предметом, если бы не злость и не мстительность Макароныча. Во всех классных журналах страницы ОБЖ пестрели «двойками» и «единицами». К концу триместров больше всего неуспевающих было именно по ОБЖ.

– Садитесь, Осипенко, «единица»! – Макароныч вывел в журнале очередной стройный, поджарый и очень прямой, как солдат в строю, «кол».

– За что? – Макс Осипенко, приняв независимую позу, совершенно не спешил садиться на место.

– Вы не знаете этого материала, поэтому даже не можете толком понять, что именно я вас спрашиваю!

– А вы нам того, что спрашиваете, и не объясняли! – Макс сказал это так громко, что класс перестал заниматься своими делами и с интересом прислушался к диалогу.

– И объяснял и задавал! – не согласился Макароныч. – Вот у меня и в журнале записано.

– Мало ли что вы там запишете! – не сдавался Осипенко. – У меня вот в тетради ничего про это нет!

– Я не виноват, что вы на моем предмете ничего не записываете.

– Кто не записывает? – Макс, войдя в роль, повернулся к классу. – Это я-то не записываю? Вот! Пожалуйста! Полюбуйтесь! – он схватил со своего стола тетрадь. – Вот мой конспект. Все темы с первого сентября есть, а того, что вы спрашиваете, нет!

– Перестаньте устраивать цирк! – Макароныч, как всегда, от злости сорвался на фальцет. – Вы заслужили свою «единицу», Осипенко, и разговор окончен!

– Ошибаетесь! – с ледяным спокойствием проговорил Максим. – Он продолжится и очень скоро. В кабинете директора. Мы все представим свои конспекты.

В классе повисла тишина. Макароныч, красный от негодования, ловил ртом воздух, не зная, как отреагировать на выпад Осипенко. 9-й «Б» перелистывал свои тетради.

Ларисина тетрадь по ОБЖ представляла собой три двойных листа, болтающихся на одной скрепке, в мятой обложке, разрисованной цветами и бабочками. На первом листе аккуратным почерком было выведено: «Порядок эвакуации при...», потом шло решение алгебраического примера. Под ним улыбалась рожица, подписанная: «Это Оля», а дальше шел столбик английских слов с переводом. На нынешнем уроке, под жалкий лепет у доски Макса Осипенко, в этой своей жалкой тетради Лариса только что начала писать черновик сочинения по литературе, по «Недорослю». Ни одной темы по ОБЖ в ее тетради не было, как, впрочем, почти ни у кого в классе. Лариса с нескрываемым раздражением посмотрела на Осипенко. Тот с независимым видом смотрел в окно. Спасительный звонок с урока прервал всеобщее замешательство. Макароныч неловко закрыл журнал, смяв при этом несколько страниц, и, провожаемый взглядами девятиклассников, почти выбежал из кабинета.

– Макс! У тебя крыша совсем съехала или как? – нарушил молчание Стас Белявский. – Чего ты завелся с этим конспектом?

– А то! Пора кончать с Макаронычем! – зло выкрикнул Осипенко. Он нам всем своей ОБЖой аттестаты перепортит. Ни у кого ведь даже «четверки» нет! Вот ты, Андрюха! – обратился он к Разумовскому. – Неужели тебе нужен «тройак» в аттестате?

– Не очень, – согласился Андрей.

– Вот! – Макс поднял вверх указательный палец. – Что и требовалось доказать! Но это у Андрюхи будет «три», потому что он как истинный гуманитарий может уболтать даже Макароныча. А что у остальных? Ларик! – Осипенко подошел к столу Ольги с Ларисой. – Олик! У вас, красавицы, наверняка «пары» получаются.

– И ты в самом деле хочешь предложить нам переписать тетради по ОБЖ? – Ольга сделала сумасшедшие глаза.

– Кстати, – Лариса не дала Максиму ответить. – У тебя-то откуда такой шикарный конспект? Что-то я раньше не замечала за тобой такого усердия.

– Я поумнел, Ларик! Вспомнил, что девятый класс выпускной и что закончить его нужно как можно лучше. Хочу, милая моя, поступить в политехнический колледж! Верю, что ты не будешь против!

– Скажешь, что по этой причине ты весь лепет Макароныча с начала года вспомнил и аккуратноенько в тетрадь записал?

– Не скажу. Думаю, такого не сможет даже Разумовский с его великим разумом. Это тетрадь моей сеструхи Юльки. Она в прошлом году школу закончила.

– Во дает! – Ольга с уважением рассматривала Юлькину тетрадь. – Какой красивый почерк! Гляньте, все главное выделено красным. А вот тут еще и зеленым... Скажи, Максик, каким образом твоя Юлька в манной каше Макароныча главное улавливала?

– Так она ж в девятом классе в другой школе училась! Хотя, если надо будет, уловишь нужное и в каше Макароныча! – назидательно изрек Макс. – Моя Юлия, между прочим, поступила в педагогический университет на специальность «ОБЖ»!

– Во ненормальная! – вырвалось у Ольги, но она тут же поправилась: – В смысле как она умудрилась? Да и зачем? Девчонке?

– Недопонимаете, девицы-красавицы, недопонимаете... Но я вас научу уму-разуму! Я и вам ОБЖ очень советую! Во-первых, у нас с Герценовским универом договор. Во-вторых, работенка непыльная. Если работать в школе – ни тебе тетрадей с сочинениями, ни особой

борьбы за успеваемость. Это ж только Макароныч неизвестно зачем выпендривается. Вспомните, до него был Пал Захарыч. Душка! В журнале только «пятерки» и «четверки».

– Конечно, это неплохо, – согласилась Лариса, – но мне было бы неприятно преподавать предмет, который никому не нужен.

– Это смотря как преподавать. Если честно, то нам просто не везло. Пал Захарыч, несмотря на его душевность, был, честно говоря, пустым местом. А Макароныч вроде и не дурак, но злобный гад! А предмет-то на самом деле важный! Вот случись у нас вдруг авария на соседнем железнодорожном переезде, выльются из цистерн какие-нибудь отравляющие вещества... И кто знает, что надо делать? Никто! Не знаем, как свою единственную жизнь спасти!

– Важный предмет – неважный, я все равно не хотела бы работать в школе! – решительно сказала Ольга. – С такими, как ты, Макс, посидеешь раньше времени. Бедная Юлька!

– Ничего не бедная, – не согласился Осипенко. – Родичи все продумали. Юлька сможет работать на любом промышленном предприятии инженером по технике безопасности и охране труда. Или даже в военной части МЧС.

– Ладно, убедил. – Лариса поднялась со стула. – Верю, что твоя Юлька не пропадет, но даже это не заставит меня переписывать тетрадь по ОБЖ.

– Макс, – Лариса услышала голос Разумовского, – неужели ты хочешь тетрадь из другой школы да еще с пропущенной темой припереть к стене Макароныча?

– Представь себе! – Осипенко шаркнул ножкой и поклонился. – Ты имеешь что-нибудь против?

– Не что-нибудь. Я в принципе против и потому в этом не участвую.

– Подумаешь, чистоплюй, – совсем не огорчился Осипенко. – Другие найдутся, кому аттестат нужен получше.

Лариса уже от дверей опять с интересом посмотрела на Андрея. Тот кидал в сумку тетради и головы в сторону Ларисы не повернул.

Глава 6

Андрей

Несмотря на неудовольствие Андрея, Наташа Лазарева все-таки приехала к Разумовским. Когда она вошла в комнату, саркастическое выражение тут же сползло с лица Андрея. Наташа была необыкновенна. Красива ли? Андрей не мог понять. Она была совершенно не такой, как все. Снежная девушка, Снегурочка, будто явившаяся из сказки. Абсолютно белые прямые волосы до пояса. Не золотистые, как у многих натуральных блондинок, а именно белые. И не блестящие, а матовые. Под такими же белыми бровями ясные серые, с темной каемочкой глаза в опущке из густых, длинных и тоже белых ресниц. Прозрачная розовая кожа. Никакой косметики. Даже бледные губы не накрашены.

– Наташа! – воскликнула мама. – Какая красавица стала! Прямо Сольвейг! Проходи. Раздевайся.

Девушка подняла руку к язычку «молнии» на куртке, и Андрей поразился, какие у нее длинные, тонкие и тоже прозрачные пальцы с нежно-перламутровыми ногтями.

– Это Андрей, – указала мама на сына. – Помнишь его?

– Конечно, помню, – улыбнулась Наташа, и ее голос прозвенел, как струны неведомого северного инструмента.

– Вы раньше все время ссорились, – продолжила мама.

– Я думаю, что теперь мы не будем этого делать, – полуутвердительно-полувопросительно произнесла Наташа и взглянула в глаза Андрею.

– Не будем, – решительно сказал он и понял, что тает, будто весенний снег, под взглядом сказочной девушки. Ему уже совсем не было жаль своей комнаты. Он, пожалуй, согласился бы спать в ванной или даже в кладовке, только бы эта Сольвейг осталась у них жить, и как можно дольше.

Потом они все вместе ужинали. Наташа рассказывала о житье-бытии в Медвежьегорске, о маме, об отце, о своей школе. Говорила просто, уверенно, не стесняясь.

– На какой факультет ты собираешься поступать? – спросила мама.

– Английского языка, – ответила Наташа.

Андрей присвистнул и заметил:

– Туда можешь и не поступить. Конкурс – сумасшедший!

– Поступлю, – убежденно сказала Наташа. – Я много занималась языком, к репетитору с пятого класса ходила, а потом... У меня неплохая разговорная практика. На нашей площадке, дверь в дверь, живет парень, Сергей. Он в прошлом году женился на американке, представляете?

– С трудом, – покачал головой отец Андрея. – В вашей-то глухомани и – американка? Каким ветром занесло?

– Ой! Это целая история! – Наташа рассмеялась. – Эта американка, Одри – переводчица. Приезжала, как она говорила, пообщаться с носителями языка.

– Неужели поближе носителей не нашла? Или теперь «Боинги» из Америки в Медвежьегорске садятся? – продолжал иронизировать отец.

– Дело в том, что у нее бабушка – русская, – рассказывала Наташа дальше. – Ну... война, второй фронт... и все такое... А бабушка как раз из наших мест и даже жила по соседству. Конечно, ее старый дом уже давно снесли, но знакомых она все-таки нашла и, представьте, прямо на нашей лестничной площадке! Оказалось, что наша соседка Антонина Ивановна училась с бабушкой Одри в какой-то там школе... первой ступени, кажется... и они даже дружили. Так вот: Одри с бабушкой приходят в гости к Антонине, а у той внук, Сергей... Он

такой необыкновенный! Как викинг! Одри сразу влюбилась, а он, естественно, в Одри. Она удивительная красавица! Черноволосая с настоящими фиалковыми глазами. Смешно, но глаза такого цвета я только один раз в жизни видела – и то у сиамского кота!

Все рассмеялись, а Андрей с удивлением почувствовал, что испытывает к этому незнакомому викингу по имени Сергей нечто вроде ревности. Наташа рассказывала о нем с таким восхищением, что Андрей тут же незаметно глянул на свое отражение в зеркале серванта. Жаль, но ничего от викинга в нем нет: темные прямые волосы, карие глаза. Наверное, он не понравится Наташе. Слишком прост, никакой изюминки. По внешности ни за что не определить, какой он национальности: не викинг, не ариец, не русский, не итальянец. Так себе... Ни то ни се. Среднестатистический невыразительный европеец. Впервые в жизни это показалось Андрею обидным.

Появление в 9-ом «Б» Андрея Разумовского в паре с живописной Наташей Лазаревой вызвало у одноклассников состояние легкого шока. Наташа, очевидно, уже привыкшая к реакции незнакомых людей на свою необычную красоту, спокойно и приветливо всем улыбалась. Андрей, чувствуя себя лицом, сопровождающим особу чуть ли не голубых кровей, несколько нервничал, но и одновременно гордился выпавшей на его долю миссией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.